

Поместье Цаньтянь было построено у подножия горы и хранило в себе бесчисленные разноцветные камни.

Легенда гласила, что эти камни — упавшие с небес осколки, оставшиеся после того, как тысячелетие назад в битве богов и демонов был расколот небосвод. Мастера искусно вырезали из них горную усадьбу, и поскольку она символизировала недостающую часть небесного свода, её называли Цаньтянь — Осколки Небес.

Днём эти разноцветные камни скрывали своё сияние, и лишь ночью, под лунным светом, они источали чистый и безупречный семицветный блеск.

Окружавший поместье лес простирался на сотни ли, как раз скрывая его призрачное сияние.

Среди разноцветных камней стоял одетый в просторные белые одежды Цю Гу. Он смотрел на далёкий темнеющий лес, и на его лице проступало легкое беспокойство.

— Братец, я вернулась!

Девушка, чьё голос звучал звонко, словно пение иволги, выбежала из разноцветного сияния и с улыбкой бросилась в объятия Цю Гу.

Цю Гу мягко смахнул прядь волос со лба сестры, тревога в его глазах сменилась нежностью, и он слегка улыбнулся:

— Юэ-эр отсутствовала столько дней, не доставила ли она брату хлопот?

— Фи! — старшая барышня Цю Юэ отпрыгнула от Цю Гу и обиженно закатила глаза. — Я ведь не маленькая, с чего бы мне доставлять хлопоты? Братец, ты вечно считаешь меня маленькой и неразумной, но разве отец, когда был жив, во всём мне не потакал? Братец, я скучаю по отцу.

Она внезапно заплакала, словно умытая дождём весенняя слива, и, глядя на Цю Гу, полными надежды глазами спросила:

— Братец, неужели Бай Ю действительно способен вернуть отца к жизни, чтобы у того сноваросло мясо на костях? Неужели я и вправду смогу снова увидеть отца?

Отец?

Будь отец жив... В груди Цю Гу заныло. Глядя на эту плачущую и одновременно смеющуюся сестру, он с легкой беспомощностью произнес:

— То, чего желает Юэ-эр, непременно сбудется.

Цю Юэ в один миг стерла с лица слезинки и воодушевилась:

— Братец так добр, братец любит Юэ-эр больше всех! Юэ-эр обещает брату, что теперь всегда будет оставаться в поместье и больше никуда не уедет.

— С твоим-то нровом разве удержит тебя горная усадьба! — покачал головой Цю Гу. — Удалось ли Юэ-эр в этой поездке повидать самого Е Ханьяня?

Цю Юэ возмущенно выпалила:

— Хм! Он совсем не умеет ценить женскую красоту! Я притворилась, что отравилась, и упала прямо перед его ногами, а он даже не взглянул на меня! Просто до смерти меня разозлил. В конце концов, я вся состою из красоты и благородства, кто из юношей знатных родов осмелился бы так со мной поступить? Уж в этот раз, когда он прибудет, я его хорошенько проучу!

— Нельзя, Е Ханьянь — почётный гость, к нему нужно относиться с высшей учтивостью, — вздохнул Цю Гу. — К тому же, еще неизвестно, сможет ли всё поместье тягаться с ним в силе.

Цю Юэ лукаво улыбнулась:

— Не переживай, братец, я знаю меру.

Цю Гу посмотрел на ледяную луну, медленно поднимающуюся в зенит, и в его глазах промелькнула тень тревоги.

Е Ханьянь, должно быть, уже близко!

Поместье Цаньтянь отличалось от знатных кланов и сект: здесь не было глухих стен и застав с охранниками, лишь на въездах и выездах виднелись разноцветные сияющие ореолы.

Юноша склонил голову набок, глядя на семь лучей света, и лихорадочно соображал: говорят, в любой секте практикующих есть всевозможные барьеры, защищающие от вторжения чужаков. Неужели эти семь световых кругов и есть те самые барьеры? Неужели нужно сокрушить этот свет, чтобы войти?

Перебрав в уме добрую сотню способов преодоления защитных барьеров, юноша приняв воодушевленно жестикулировать, собираясь испытать их один за другим.

Однако световые лучи оставались просто лучами света — его тело прошло сквозь них без малейших усилий. Никакой колющей боли, никакого подавления энергии — это вовсе не был преграждающий путь барьер, как воображал юноша.

Это до крайности разозлило парня: все его тщательно обдуманые методы оказались совершенно бесполезны. Ну и дыра! Просто оскорбление его интеллекта.

И почему здесь вообще ни души? Даже не соизволили выйти поприветствовать такого господина, а в животе уже отчаянно сосет от голода. И на кой чёрт сдались эти проклятые камни, если их нельзя съесть?

О!

Мало того, что эти камни красивы, они еще и светятся! Уж не те ли это сокровища, о которых говорил тот старый предсказатель? Если уволочь их отсюда, их наверняка удастся выгодно продать, а там глядишь — и разбогатеет!

Постойте-ка, уж не дом ли это той дикарки?

Эх, плевать! Сначала захвачу парочку.

Юноша протянул руку и ухватился за камень, отливающий золотом.

ТЬфу ты! Почему эта проклятая глыба не сдвигается с места?

Парень перехватил камень обеими руками и налёг изо всех сил.

Словно сработав глухой механизм, с громовым раскатом прозвучали два тяжелых удара, и следом сверху обрушился мощнейший порыв свирепого ветра.

Юноше пришлось бросить камень и отскочить в сторону.

Там, где он только что стоял, вдребезги разлетелись осколки камня. Юноша легко взмахнул рукой, разгоняя поднимающуюся пыль, и наконец разглядел стоявшего перед ним мужчину лет пятидесяти. Худощавый, с глазами треугольной формы, он сжимал длинный меч, отливающий тусклым черным блеском, и тараторил глаза полные гнева.

Юноша сделал шаг вперед и с улыбкой произнес:

— Уважаемый старец, как же так — нападать без предупреждения? Разве перед тем, как пустить в ход оружие, не полагалось сначала громогласно прокричать: «Кто идёт?» — для

приличия?

Старик указал кончиком меча на него и взревел:

— Ты кто такой и зачем здесь шатаешься?

— Кто я? — юноша перевел взгляд, небрежно отмахнул в сторону острие меча и держался так, будто был здесь хозяином. — Не могу сказать. Сначала позовите вашего главного, тогда и поговорим. Смотри-ка, в твоём почтенном возрасте, а всё с мечом бегаешь и тыкаешь им куда попало — того и гляди покалечишься. Я всегда с глубоким уважением относился к старикам, так что ты опусти меч, а я уж так и быть не стану с тобой драться, идёт?

Старик, не доживший даже до возраста пятидесяти лет, когда человек познает небесную волю, был настолько оскорблен тем, что его называли стариком, что его лицо поочередно побелело, покраснело и позеленело. Крепко сжав меч, он рывкнул:

— Бесстыдный мальчишка, посмел явиться сюда за смертью!

И его рука пришла в движение.

Вспышка меча!

Тот самый тускло-чёрный клинок вычертил в воздухе семицветный ореол, исторгнув сокрушительную, разрывающую небеса и землю энергию, которая обрушилась на юношу сверху вниз.

Юноша взглянул на этот сгусток света так, будто тот ничего из себя не представлял:

— Явился за смрадом? Как же такой прекрасный, ослепительный и утонченный молодой господин, как я, мог совершить столь глупую оплошность? Неужели у вас тут все кругом только и делают, что испражняются?

Он даже приняхался, шумно втянув носом воздух, и вдруг подпрыгнул в испуге:

— Неудивительно, что от тебя так разит дерьмом! Не ты ли тот самый доставщик эксcrementов? Ай-яй-яй, как же так! Тебе, старику, не стоит размахивать мечом, не ровен час повредишь здоровье.

Его ноги скользнули по земле в самом немыслимом пируэте.

Яростный удар меча рассек воздух, обрушился на разноцветные камни, искромсал лепестки

цветов. А юноша целым и невредимым стоял в сторонке с полуулыбкой на лице, словно наблюдая за представлением.

У старика искры из глаз посыпались. Что бы ни случилось, он разорвет этого болтливого мерзавца на куски!

— Жизнь здесь свою оставь!

Раздался свист рассекаемого воздуха. На этот раз он применил не просто вспышку меча, а истинную ци клинка — всю свою мощь до последнего предела.

Он был вне себя от ярости, в его сердце бушевало убийственное намерение.

Ослепительный свет меча озарил половину небосклона. Горный ветер, дикие камни, плывущие облака — всё замерло, безмолвно любуясь этой великолепной ци клинка.

Юноша замер. Он никак не ожидал, что испущенная стариком ци клинка окажется столь прекрасной. Такая красивая вспышка меча подобала бы хрупкой прелестнице, чтобы ею любовались, а вовсе не для убийства людей.

Подумав так, он поступил соответствующим образом: вернулся на прежнее место и с лучезарной улыбкой произнес:

— Раз уж дедушка велел мне вернуться, я, естественно, вернулся. Что ж, останусь, чтобы составить тебе компанию и развеять твою скуку, старик.

Он поднял руку — очень небрежно поднял.

В тот же самый миг сиявшая в небесах ци клинка внезапно исчезла, а длинный меч рухнул вниз, глубоко вонзившись в камень.

Старик схватился за грудь, с выражением абсолютного неверия на лице, даже позабыв стереть кровь, сочившуюся из уголка рта.

Похоже, юноше показалось этого мало, и он нанес словесный контрольный удар:

— Я же говорил тебе, старик, не размахивай мечом куда попало — того и гляди покалечишься. Вот видишь, не послушал, теперь и меч потерял, и сам ранен. А незнающие люди еще подумают, будто это я тебя покалечил. Как же мне тогда перед людьми оправдываться?

Старик от переполнявшей его злости выплюнул полный рот крови и взревел:

— Ты...

Юноша подошел, вытащил меч из камня и протянул старику:

— Вот твое оружие, держи. Больше не делай так, я правда не люблю все эти драки-потасовки, от них у меня сердце болит. Лучше давай вместе полюбуемся этой прекрасной луной — разве это не чудесно?

Он вел себя так, будто находился в собственном доме, и в самом деле задрал голову к небу, любуясь лунным светом. Напоследок он еще и подошел к разноцветным камням: то один погладит, то с другим поиграет — вальяжно, бесцеремонно и совершенно непринужденно.

У старика на руке, сжимавшей эфес, вздулись вены. Издав громовой рекл, он снова ринулся вперед с мечом наперевес, явно намереваясь пойти ва-банк.

Юноша наконец слегка поёжился.

— Дядя Ци, стоять! — раздался резкий девичий окрик. Цю Юэ стремительным движением тени мгновенно оказалась перед стариком, предостерегающе покачала головой и многозначительно на него взглянула.

Старик Цю Ци остановился, отвесил поклон гостье, но взгляд его по-прежнему буравил юношу:

— Хозяйка, этот...

Шедший позади Цю Юэ Цю Гу медленно приблизился и знаком велел Цю Ци не церемониться с поклонами:

— Этот человек — дорогой гость, приглашенный мной osobito. Дядя Ци не должен забывать об учтивости. Здесь я сам разберусь, а вы ступайте и отдохните.

— Слушаюсь!

К Цю Гу старик Цю Ци питал искреннее уважение: он убрал меч, поклонился и отступил. Уходя, он, впрочем, бросил на юношу долгий, полный скрытой угрозы взгляд.

Цю Гу подошел к юноше, слегка виновато сложил руки перед грудью и поклонился в пояс:

— То, что брат Е прибыл издалека и стал желанным гостем нашего скромного поместья, а тут вдруг приключилось такое недоразумение — целиком и полностью вина моего недосмотра и слабого воспитания подчиненных. Надеюсь, брат Е не держит обиды.

— Полно, пустяки, о чем речь, — отозвался юноша, а про себя подумал: хотя тот и выразил сожаление, но ни словом не обмолвился о том, как собирается наказать провинившегося подчиненного, лишь призывая простить чужую оплошность. Разве это искренние извинения? Чистой воды демонстрация силы!

Но вот незадача — названный им «братом Е» явно не был им самим. Судя по выражению лица хозяина, к этому самому брату Е здесь относились с большим почтением, так почему же его не узнали в лицо?

Уж не похож ли тот самый брат Е на него внешне? И раз уж настоящий хозяин имени объявился здесь, если он сейчас скажет, что он не тот, за кого его принимают, его наверняка попросту изобьют и вышвырнут из поместья. Придется пока притвориться, а если запахло жареным — делать ноги, это лучший выход.

Прикинув всё про себя, вслух он заговорил совсем иначе:

— Что вы, хозяин, какие обиды! Это я, молодой да глупый, забрел в ваши владения. То, что хозяин не стал со мной возиться — уже великая милость, а дяде Ци я при случае обязательно принесу свои извинения.

Цю Гу с улыбкой ответил на поклон, излучая выдающееся великодушие, и повернулся к сестре:

— Юэ-эр, отдай распоряжения, пусть подготовят всё для встречи дорогого гостя.

— Хорошо, старший братец. Мы ведь и впрямь снова встретились, — Цю Юэ подошла к юноше, прищулив глаза, и улыбнулась так чарующе, что от одной этой улыбки у него мороз по коже пошел.

Чего это она так жутко скалится?

Юноша невольно вздрогнул.

В час свиньи лунный свет, казалось, не выдержав омовения разноцветными лучами, спрятался в глубине облаков.

Семицветные камни по-прежнему мерцали то тускло, то ярко.

Юноша сидел в теплой деревянной бадье, смывая усталость последних двух дней пути.

Хозяин поместья Цаньтянь распорядился накрыть роскошный ужин, но, не дожидаясь конца трапезы, удалился по делам — всё вокруг казалось странным и полным загадок. Как только юноша наелся и напился досыта, слуги проводили его в эту комнату, где уже приготовили

лохань для купания с благовониями.

За всё это время Цю Юэ так и не появилась.

Для юноши, который годами перебивался случайными кусками и не имел собственного крова, такой прием можно было назвать высшей степенью роскоши. И хотя он воспользовался чужим именем — некоего брата Е, — насладиться парой дней сытой жизни было не грех. Даже если в конце концов ложь вскроется и придется делать ноги, смазав пятки салом, догнать его обитатели поместья Цаньтянь вряд ли сумеют.

Комнату окутывали клубы водяного пара. Юноша лежал в бадье с закрытыми глазами, чувствуя, как в ночной апрельской прохладе даже погруженное в воду тело всё еще зябнет.

Он нахмурился, собираясь встать и одеться.

Но осознал, что дело неладно, было уже слишком поздно.

Неизвестно, когда именно открылась дверь. Возле бадьи стояла девочка в нежно-зеленом платье, с мечом в руке. Кончик клинка лежал у юноши на плече, а сама она с озорной, плутовской улыбкой в упор пялилась на него — судя по всему, уже добрых четверть часа.

Цю Юэ.

Та самая девчонка, которая в лесу едва не лишила его жизни.

Юноша едва не выпрыгнул из воды, но тут же сообразил, что совершенно не может пошевелиться.

Каким бы языбатым он ни был в обычное время, против подобных не ведающих правил дикарок все слова были бессильны. Острый меч на плече — это еще полбеды, куда страшнее было то, что он сидел совершенно голым. Если он сейчас дернется и испугает её, возможны лишь два исхода.

Первый: Цю Юэ с визгом вылетит из комнаты. Поначалу, конечно, забавно, но потом она вернется со всем семейством, чтобы поймать его — грязного, бесстыдного извращенца.

Второй исход: если эта непредсказуемая егоза с характером маленького чертёнка сделает вид, что ничего особенного не заметила, разве вся его безупречная репутация не рухнет в один миг?

Потерять лицо перед какой-то желторотой девчонкой — куда хуже, чем опозориться в борделе.

По крайней мере, девицы в борделях — девки сочные и прелестные.

Короче говоря, в любом случае в дураках останется он.

Он вдруг горько пожалел: находясь в чужих краях, не стоило раздеваться догола во время мытья, следовало хотя бы оставить нижние штаны.

Он тяжело вздохнул и выдавил:

— Тебе так нравится пялиться на моющихся мужиков?

Цю Юэ вернула меч в ножны, обошла вокруг бадьи с недоброй ухмылкой. Юноше казалось, что кровь во всех жилах застыла; он то и дело порывался прикрыть тело руками, выдавливая из себя:

— Мелюзга, на что уставилась? Насмотрелась — теперь придется отвечать.

Цю Юэ невинно захлопала ресницами:

— Я даже когда людей убиваю и дома жгу, ни перед кем не отвечаю, а тут за то, что посмотрела — отвечать?

Убийства с поджогами и мужская чести — разве это вещи одного порядка?

Юноша попытался выкрутиться:

— Взрослая ответственность... Короче, в двух словах не объяснишь.

Цю Юэ склонила голову набок, о чем-то задумавшись, но взгляда от него не отвела, продолжая сверлить юношу в упор.

В прозрачной воде всё как на ладони: прикроешь верх — обнажится низ, прикроешь низ — виден верх. Юноша больше не мог выносить этого испытания и рявкнул:

— Ты чего всё еще смотришь?!

Цю Юэ с усмешкой протянула:

— Проверяю, настоящий ты или поддельный.

— Какой еще настоящий или поддельный? — юноша окончательно растерялся.

— Очень просто, — ответила та.

Юноша остолбенел, лихорадочно пытаясь сообразить, что же она имеет в виду, как вдруг почувствовал резкую боль в лице — кожа на щеках словно мгновенно отслоилась.

Цю Юэ действовала настолько молниеносно и безжалостно, что он даже не успел среагировать, чуть с него шкуру не спустив.

Юноша уперся языком в саднящую щеку и злобно зыркнул на девушку: посмей она сделать еще хоть движение — он церемониться не станет.

Цю Юэ посмотрела на собственную пустую ладонь и заговорила как бы сама с собой:

— Совсем другое лицо, не то что в прошлый раз. Говорят, Е Ханьянь никогда не показывается в своём истинном обличье... Почему же на нём не было маски из человеческой кожи?

Так она проверяла, тот ли он самый брат Е! Брат Е — Е Ханьянь, первый вор Поднебесной. Юноша, разумеется, слышал это имя.

Неужели они встретили Е Ханьяня как почётного гостя из-за того, что тот похитил какое-то сокровище?

Заметив, что Цю Юэ явно собирается повторить эксперимент и снова принялась шарить руками по воздуху, юноша поспешно зачистил:

— Раз уж ваше поместье — обитель словно не от мира сего, как я мог явиться сюда спустя рукава? Разумеется, я должен был показать своё истинное лицо, иначе не стою того величия, что излучает благородный дом. Разве можно слепо верить бредням бродячих магов? Я — великий и прославленный Е Ханьянь, с какой стати мне показываться перед ними всамделишным лицом? Разве это не шло бы вразрез с моим стилем? Вот они никогда и не видели моего ослепительного, благородного облика!

Цю Юэ подозрительно прищурилась:

— Так это и есть твоё настоящее лицо?

Юноша закивал так усердно, что едва не свернул шею:

— Настоящее дальше некуда! Перед лицом почтенной барышни Цю все мои уловки

рассыпаются в прах, а уж такая умница, как ты, раскусила меня с первого взгляда.

Глаза Цю Юэ засияли. Она еще с полминуты всматривалась в его черты лица, после чего её взгляд потускнел:

— С натяжкой сойдёт.

Юношу от такого взгляда бросило в жар, он даже дышать боялся.

Цю Юэ изрекла:

— Хоть рожей ты и вышел более-менее сносно, но всё равно не такой красивый, как я воображала.

Юноша едва не выпрыгнул из бадьи:

— Что значит «более-менее сносно»?! Да я, молодой господин, красив и обаятелен, в цыхуанском цзянху почитаюсь едва ли не первой красой, просто связываться с тобой, не видевшей жизни девчонкой, не хочу!

Цю Юэ лукаво закатила глаза, подбежала к самому уху юноши и заговорщицким шепотом произнесла:

— Хочешь, я отведу тебя в одно интересное место?

— Там есть сокровища?

— Ручаюсь, такого ты в жизни не забудешь.

— Правда?

— Чистая правда. Идем прямо сейчас.

Цю Юэ с легкой улыбкой протянула руку, собираясь вытащить юношу из воды.

Юноша пришел в ужас — он был готов провалиться сквозь землю, лишь бы скрыться, и отчаянно закричал:

— Выйди вон, дай мне переодеться! Живо, а не то я закричу, что меня бесчестят!

— Закричишь, что бесчестят — так я за тебя замуж выйду, сделаю как положено, а потом убью, на фарш порублю! — надув губки, Цю Юэ первой выскочила за дверь.

У юноши сердце, только что опустившееся на место, снова подскочило к самому горлу. Жениться на Цю Юэ? Да ведь тогда вся его дальнейшая жизнь пойдет прахом!

Он хитро завращал глазами, лихорадочно соображая, как бы отыскать подходящий момент, чтобы смыться.

<http://bllate.org/book/21826/2260526>